

ОБЩЕСТВО, ПРОИЗВОДЯЩЕЕ СТРАХ

Владимир Нестеренко

Владимир Нестеренко (1964) — киевский писатель, журналист, драматург, контркультурный деятель, популярный блогер, получивший известность под псевдонимом «Адольфых» (adolfyeh. livejournal. com). По собственным утверждениям, в прошлом занимался «криминальным бизнесом». Этот опыт лег в основу киносценария «Чужая», изданного в виде книги в 2006 году, по которому в 2010 году Антоном Борматовым был снят фильм с одноименным названием. Себя «Адольфых» называет борцом за справедливость и дает интервью и фотографируется только в маске

Я застал тоталитарное общество в период его разложения. Страх был, но уже как бы понарошку. Люди старшего поколения прожили со страхом всю жизнь. Одна моя бабушка препятствовала моему увлечению «Голосом Америки»: прикладывая палец к губам, она говорила: «Володя, выключи, узнает НГБ» (НГБ — видимо, синтез НКВД и КГБ). Вторая сказала мне на ухо,

шепотом (а в квартире мы были одни): «Володя, запомни, Кучма (тогдашний президент Украины) — враг народа».

Мы же боялись милиции. Участковый был олицетворением государственной власти. Ведь тогда у милиции еще не было ни дубинок, ни масок на лицах. Это считалось признаками капитализма. И правильно считалось.

Что касается демократий «постсоветских» — даже не знаю, как их назвать, уродливыми демократиями или демократиями голоса — говорить можно, но никто не слушает, — в них я прожил достаточно, чтобы сделать вывод: **страх из государственного страха (госужаса, как шутили диссиденты) превратился в страх частный.** Люди стали бояться не всемогущего государства, а мелких социальных групп: кавказцев, бандитов, террористов, милицию как организованную преступную группировку (ОПГ), футбольных хулиганов, фашистов, еще кого-то... Соседа, например.

Общество само стало производить страхи на любой вкус. **Демократия, не подкрепленная равенством перед законом и соблюдением этого самого закона, превращается в общество, производящее страх.** Может быть, свободное владение оружием поможет побороть этот страх, хотя, конечно, причину боязни не устранил. Оружие в этом случае будет играть роль панциря, бронежилета — может спасти, но все же это скорее самоуспокоение, как и бронежилет под пулевым огнем.

Страхи убивают демократию, точнее трансформируют ее в апатичную формальную демократию: люди голосуют за кого угодно, «лишь бы не было войны». В долгосрочной перспективе это приводит к уничтожению госу-

дарств, не обладающих чем-нибудь бесконечным (например, человеческим ресурсом, как у Индии и Китая).

В девяностых боялись голода, а после голода — преступности и терроризма. Думаю, правильным ответом на спущенное сверху «лихие 1990-е» будет «подлые 2000-е». В нулевых голода не боялись, но стали бояться спецслужб и милицию. Хотя ее боялись всегда, в нулевые все же особенно. Стали бояться больше террористов. А также боялись — и бояться до сих пор — богатых. Если в 1990-е богатых просто не любили и радовались, когда их убивали, сейчас, в целом, богачи воспарили над обществом, и управы на них нет. Вот отсюда и страх.

Возвращение 1990-х маловероятно. За это время выросла прослойка экстремистов, которыми становятся практически те же люди, которые шли в банды. В 2010-х следует опасаться именно их, а не бандитов.

Страх не является чем-то полезным и нужным, страх парализует все лучшие качества и вытаскивает из мутных глубин подлость, зависть, двурушничество и т.п. качества, избавиться от которых призывают святые книги всех религий.

Страх, даже потерянный страх, портит характер народа. Испуганных можно мобилизовать только на что-нибудь простое — на рабский труд или на расправу, а сейчас перед нашими государствами стоит задача если не догнать, то хотя бы приблизиться к цивилизованным обществам, где страх — не самый главный рычаг, которым сдвигают с мертвой точки наш убогий мир бездумного потребления. ■

Специально для РЖ